

Ю. А. СВЯТЕЦ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ ИЛИ АРХАИЗМ?

Постановка данного вопроса является результатом наблюдений за современными исследованиями в истории, когда наряду с произведениями, в которых культ исторических источников доведен до абсолюта и историки неотрывно следуют в своем историописании их содержанию, конкурируют сочинения постмодернистского жанра, где авторы настаивают на том, что историк сам является творцом источника своего текста. Сам термин «исторический источник» был введен в научный оборот во времена гуманизма, когда историческая наука, встав в оппозицию клерикальной парадигме, стремилась найти надежную опору для своего предмета познания. Понятие «источник» неизменно ассоциировалось с понятием «документ». Основной проблемой при этом выступала необходимость подвести доказуемую базу под историописание. Недаром именно в эту эпоху активизируется деятельность по коллек-

Святец Юрий Анатольевич — наместник декана исторического факультета Днепродзержинского национального университета имени А. Ганчара, доктор исторических наук, профессор.

ционированию и публикации документов античности и средневековья. Начало научной критики источников — одна из важнейших заслуг таких гуманистов эрудитской критической школы, как Флавио Биондо и Лоренцо Валла. Призыв гуманистов «ad fontes» означал отрицание метода схоластики, искривлявшего содержание и дух текстов античных авторов, желание выявить историческую реальность, запечатленную в документах. Роль источника с тех времен стала настолько неоспоримой, что он «затенил» своей материальной составляющей идеальную компоненту исследования. В значительной мере формированию культа исторического источника прислужился и позитивизм. Фетишизация исторического источника достигла апогея в XX в.

Академик И. Д. Ковальченко определял (1987) исторические источники как носители информации, на основе которой историк реконструирует исследуемую общественно-историческую реальность [1, с. 106]. Профессор С. О. Шмидт несколько ранее (1983) на IV Всесоюзной конференции по источниковедению в Днепропетровске предлагал признать историческим источником все, что источает историческую информацию, любое явление, которое может быть использовано для познания прошлого человеческого общества [2, с. 5]. Такое определение близко к представлению М. Фуко (1969) об истории как сфере обработки и применения документальной материальности (книг, текстов, рассказов, реестров, актов, строений, институций, регламентаций, техники, объектов, обычаев и т. п.), существующей всегда и везде, в любом обществе или в спонтанных, или в организованных, окончательных формах. Одновременно М. Фуко утверждал, что документ не является совершенным инструментом истории, который полноправно можно было бы считать собственно памятью [3, с. 12].

Понятие «источник» подсознательно ассоциируется с термином «знание». В связи с этим К. Р. Поппер писал, что «привычка ссылаться на источник чего бы то ни было кажется нам привычной для ученого и историка и, возможно, несколько удивительно выяснить, что эта привычка рождена поэтами» [4, с. 25], причем «поэты имели привычку говорить не только о божественных источниках своего вдохновения, но и о божественных источниках своих знаний [курсив авт. — Ю. С.] — боги гарантировали правдивость их повествований» [4]. Но, как утверждал Д. Юм, «если я спрашиваю, почему вы верите в некий факт... то вы должны привести мне какое-то основание, и этим основанием будет некий факт, связанный с первым» [5, с. 40]. Такая рекурсия не может быть

бесконечной и знание в конце концов упрется в веру, поскольку «программа сведения всего знания к его первичному источнику [курсив авт. — Ю. С.] в наблюдении логически неосуществима: она порождает регресс в бесконечность» [5].

К. Р. Поппер утверждал, что философская ошибка философской теории первичных источников состоит в том, что она недостаточно четко различает вопрос об источниках и вопрос об истинности. «Возможно, в области историографии эти два вопроса иногда совпадают. Вопрос об истинности некоего исторического утверждения может быть решен исключительно или главным образом лишь в свете происхождения определенных источников» [4, с. 49]. Но, утверждает философ, два разных вопроса, а истинность определенного утверждения или какой-то информации мы, как правило, устанавливаем не путем обращения к источнику или происхождения информации, а более прямым путем — с помощью критической проверки самих утверждаемых фактов [4].

Никто не может сказать с какой-то высокой достоверностью, в какой мере наши знания о прошлом определены исключительно данными привлеченных нами исторических источников. Исторический источник воспринимается как некий объект (событие, вещь или знак), дающий историку информацию о прошлом. В большинстве своем исторические исследования опираются на документы — письменные источники. Типичным признаком квалификации диссертационного или монографического исследования по истории считают введение в научный оборот новых (дополнительных) архивных документов. Как будто смена статуса документа на опубликованный меняет *status quo* самой информации. Однако историческое произведение формируется не только на информации письменных документов. Среда бытования (культурная традиция, язык, образование, способ питания, идеология, религия и т. п.) не может не служить источником исторического исследования. Источником информации для историка выступает и определенная этническая ментальность, или каноны социальной конгрегации. Например, появление цеховых уставов в Средневековье вызвано необходимостью формализации отношений в пределах определенного профессионального социума. История свидетельствует, что социумы очень часто формируются задолго до появления нормативных документов касательно конституирования их статуса. Так, крестьянские хозяйства существовали прежде, чем появилась письменность. И даже наличие документов, в которых содержится информация о крестьянских хозяй-

ствах вовсе не гарантирует исчерпывающего освещения их деятельности. Известны лишь считанные документы, например крестьянские дневники, позволяющие проследить (микро)историю отдельных хозяйств. Но означает ли это, что мы не можем с удовлетворяющей полнотой составить себе представление о крестьянском хозяйстве отдаленных времен? Большинство историков скорее дадут отрицательный ответ на такой вопрос. Причина такого оптимизма в том, что история крестьянского хозяйства реконструируется на самом деле не на основе источников, а благодаря информации, наличной в определенной мере в различных сферах современного общества — археологических артефактах, естественных ландшафтах, этнографических традициях и преданиях, средствах труда, системе питания, актовых и судебных документах, сооружениях и т. п. Даже жестикация и мимика, хореография и мелодика могут способствовать осознанию сути исторических событий и явлений, поскольку либо были их средой (им сопутствующими), либо стали их результатом.

Иными словами, представления о прошлом (как сегодня в памяти) формируется в результате широчайшего информационного потока, объем и содержание которого определяется (задается) не только и не столько данными (сообщениями) конкретных источников. Во-первых, присутствие согласованных символов в различных объектах (княжеский замок, сельхозинвентарь, актовые документы и др.) обеспечивает аргументацию в пользу достоверности (кстати, чисто статистической характеристики) сообщения. Но в таких условиях объем информации формируется, скорее всего, не кумулятивно, а логистически, т. е. объем информации в результате меньше, чем сумма ее объемов, содержащихся в разных объектах. Во-вторых, взаимодополнение фактов, формирование целостной картины прошлого возможно на основе единичных упоминаний. Обычно в подобном случае говорят об уникальности источников или фактов. Но всегда актуальным остается вопрос о достоверности такой информации, поскольку мы имеем дело с крайне малой возможностью ее верификации фактами других источников. В ответ обычно называют другие (сопутствующие) факторы, так сказать «здорового смысла» или системной логики, непротиворечивости утверждений, удовлетворительность для многих историков некой логико-лингвистической конструкции (т. е. вновь чисто статистическая характеристика). И вот коллизия — сумма информации не совпадает с суммой источников. Но при этом нам важно не количество источ-

ников и даже не их объем, а именно содержание (смысл) полученной информации.

Любое историческое исследование начинается с идеи самого исследования. Это означает, что собственно источник исторического исследования содержится прежде всего в самом историке, в его нейросетевой системе, которая в своей основе является информационной [6, с. 74— 84]. Умберто Эко, например, писал, что мы вынуждены задуматься над вопросом, свободен ли человек в своих речах, свободна ли она сообщать все, что вздумается, или она тоже задана определенным кодом... Язык, его механизм, понуждает говорить так, а не иначе, приписывая оратору говорить одно, а не другое. А если это так, то настоящим источником [курсив авт. — Ю. С.] и хранилищем потенциальной информации следует считать сам код..., который рассматривают как систему вероятностей, ограничивающую равновероятность источника, но, в свою очередь, равновероятной в отношении к небесконечному, хотя и достаточно длинному ряду выстроенных на его основе сообщений» [7, с. 86].

Итак, познание следует рассматривать как коммуникационный процесс. Иначе не осуществится акт передачи-приема информации. А сама коммуникация предполагает наличие по крайней мере трех объектов, которые ее реализуют: источник — носитель — реципиент. Носитель существует в некоей среде, благодаря которой фиксированная информация передается/хранится определенное время, т. е. он не тождественен источнику информации. В исторической же науке произошло отождествление источника и носителя информации, в результате чего сформировалось понятие «исторический источник», затенившее собой истинный источник — непосредственно историческую реальность как основу неоднородности информационного поля. Сам носитель содержит не только чисто историческую информацию. Можно выделить по крайней мере пять ее слоев:

- информация носителя (об историческом факте);
 - автоинформация (о самом носителе);
 - «атрибутивная» информация (о способе «прочтения» — коде);
 - информация об авторе (личность, институция, общество и т. п.);
- информация на носителе (появляется в процессе коммуникации, жизненного цикла существования носителя).

И тут выясняется, что историческая реальность как бы автономна от носителя информации в смысле исторического источника. Тогда остается непонятным, как же историк может дознаться об исторической

реальности, если она неотделима от исторического источника? Можно переформулировать этот вопрос. Что обеспечивает присутствие информации о прошлом в объектах, существующих ныне? Очевидно, что метафора (sic!) «исторический источник» не содержит ответов на такие вопросы. «Дело в том, что пределы книги (расширим — исторического источника. — Ю. С.) никогда не очерчены достаточно четко: вне ее заглавия, вне ее первых строк и последней точки, вне ее внутренней конфигурации и формы, которая делает ее автономной, существует система ссылок на другие книги (источники. — Ю. С.), другие тексты, другие фразы: узел в большой сети» [3, с. 37]. Так писал М. Фуко (1969) задолго до самой идеи интернета. Как тут не вспомнить, что идея гипертекста, гиперинформационного пространства определенным образом обыграна еще как «Вавилонская библиотека» или как «Сад расходящихся тропинок» Х. Л. Борхеса или как «Игра в классики» Х. Кортасара (1963). В каждом случае можно заметить, что наличие какого-либо документа или вещи, созданных в прошлом, еще не является достаточным основанием для познания процессов прошлого. «Нас не удивляет тот факт, что мы не понимаем книгу, написанную на языке, которым мы не владеем. Но мы очень изумляемся (и даже сердимся), когда не понимаем произведение искусства...» [8, с. 7]. В каждом случае, по утверждению Ю. М. Лотмана (1969), мы стремимся подключиться к определенной системе коммуникаций и получить с ее помощью информацию. «Без получения, хранения и передачи информации невозможна жизнь человека — ни познание мира, ни организация человеческого общества» [8, с. 7—8].

Выше я пытался показать, что историческое исследование как ком-муникационный процесс возможно благодаря такой метафоре, как «ис-торический источник», а прежде всего вследствие тотальности информации. Она существует постольку, поскольку существуют материальные объекты, формирующие материальную неоднородность Вселенной, ставшей следствием Большого Бума (Big Bang). Именно эта неоднородность (разнообразие) следует считать истинным источником информации. Именно поэтому одно из определений термина «информация» (И. Д. Ковальченко) звучит как «отраженное разнообразие явлений объективного мира» [1, с. 108]. То есть информацию рассматривают как результат реализации свойства материи к воспроизводству черт одних объектов в других в отличной форме вследствие их взаимодействия (или коммуникации).

Для выяснения специфики исторической информации следует помнить, что это прежде всего социальная информация, которая в терминах теории отражения предстает как «аспект и результат

отображения обществом как самой социальной формы движения материи, так и всех прочих ее форм, вовлеченных в общественную жизнь в той степени, в какой их использует общество» [9, с. 194]. Коммуникационный процесс в сфере социальной жизни является сложным взаимодействием объекта, субъекта и информации. Объект (вещь, знак или действие [10, с. 117]) как определенное проявление независимой от субъекта действительности служит основой — источником информации — для познающего субъекта. Сам субъект, взаимодействуя с окружающей действительностью, всегда стремится получить конкретную информацию для достижения соответствующей цели (по крайней мере, для жизни).

Академик И. Д. Ковальченко указывал, что понятие «информация» используют в исторической науке и в источниковедении в разных смыслах [1, с. 114]. В широком толковании, акцентировал историк, информация — это все то множество сообщений, которые содержатся в исторических источниках. Одновременно под информацией в исторической науке часто понимают лишь ту совокупность сообщений и данных источников, которая введена в научный оборот и используется для изучения определенных явлений и процессов, т. е. информация предстает уже не как отражение современниками исторической реальности, а как действующее знание [1]. Правда, понятия «введение в научный оборот» (как и «исторический источник»), достаточно метафоричны, поскольку очевидно сложно определить четкие критерии такого события. Достаточно ли обычного сообщения о существовании некоего документа, чтобы можно было считать введенным в научный оборот? Является ли достаточным условием обязательная археографическая публикация? Или процесс оборота предполагает массовое обращение, упоминание и ссылки на соответствующий документ? И означает ли «открытие» еще одного исторического источника формирование знания о прошлом? Как видим, классическое понимание «исторического источника» содержит ряд коллизий, под которыми будем понимать наличие противоречий в конкуренции за информационные ресурсы. Речь идет о реальном парадоксе современного исторического исследования, когда доступ к необходимой информации обуславливается не вечными канонами Музы Клейю, а принципами научной коммуникации. Можно назвать два ведущих из них —

голографический (пространственный) и принцип максимальной скорости (временной).

Голографический принцип лучше всего можно представить известным афоризмом Б. Шоу: «Если у вас яблоко и у меня яблоко и если мы обмениваемся этими яблоками, то у вас и у меня остается по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея и мы обменяемся этими идеями, то у нас будет по две идеи». Научная информация, в том числе и историческая, распределена согласно этому «эффекту Шоу», в современном научном социуме с таким рассеиванием, что практически невозможно отыскать исток определенного научного сообщения. Научная информация к тому же не только запоминается (и частично забывается) человеческим мозгом и передается от человека к человеку, но и с помощью различных современных технических средств хранения и каналов коммуникаций. Множество информационных сообщений в хранилищах системы научных коммуникаций на самом деле может восприниматься, хотя и с ограничениями, вызванными временными информационными барьерами, как огромная голограмма (информационное пространство), во всех пунктах которой содержится совокупная (именно совокупная, а не накопленная) научная информация. Поскольку историческую науку следует рассматривать составной частью социальной (научной) коммуникации, то голографический принцип научной информации является принципом поведения в социальной системе. Это не научная информация «ведет себя» таким образом, а историк как исследователь получает или воспринимает (по сути фильтрует и отбирает) научную информацию в системе научных коммуникаций [11, с. 128]. Голографический принцип предстает прежде всего как пространственный. Структуры памяти системы научной коммуникации и являются пространственным изображением. Любую единицу информации возможно получить из любого места [11], так же как осколок разбитой голограммы может представить изображение вещи, правда за счет ухудшения четкости. Все знание в любом пункте готово для использования.

Но голографическая запись одновременно предстает и в качестве процесса, благодаря которому возможен сам этот принцип. Оказалось, что этот процесс необратим. Научная информация постоянно накапливается, в результате чего появляется ее избыток как у реципиентов, так и на запоминающих средствах.

К тому же научная информация «ведет себя» так, чтобы в короткое время достичь своего адресата. Точнее следует сказать, что это исследо-

ватели (в том числе и историки) ведут себя так, чтобы в кратчайшее время добыть необходимую информацию. Гарантированный доступ к информации именно в тот момент, когда она необходима ученому в процессе изысканий, является важнейшим фактором, который способствует сбережению времени научной работы. При этом научная информация совсем не обязательно «проникает» к адресату непосредственно как

световой луч. Одновременно наибо́льший путь не следует понимать как наиболее короткий [11, с. 129—133].

Историческое источниковедение выработало (по крайней мере, сформулировало) комплекс критериев изучения источников — достоверность, подлинность, аутентичность, репрезентативность, предвзятость, полнота, надежность и др. Но, по словам К. Р. Поппера, они не суть специфические проблемы историка [4, с. 47]. Не эти факторы, по мнению философа, обеспечивают надежность исследования. Ведь когда у нас возникают сомнения относительно достоверности какого-либо утверждения, то мы ищем независимого его подтверждения (непротиворечивости), а не его источники [4, с. 46]. Один и тот же документ в зависимости от знаковой ситуации может стать источником как для знания, так и для невежества, подобно тому как затмение Солнца или приближение кометы может вызывать профессиональный интерес у астронома и дурные предзнаменования у религиозного фанатика.

В ходе внешней критики можно найти достаточно аргументов в пользу того, что некий «источник» обладает чертами аутентичности, подлинности, непредвзятости и т. п. Однако он будет содержать дезинформацию, как это нередко бывает в военное время. Но от этого ценность такого «источника» на самом деле не уменьшается, поскольку собственно существование такого сообщения является результатом (рефлексией) определенного события, т. е. действительного источника сообщения. Художественное произведение часто не соответствует требованиям правдивости, полноты и достоверности. Однако Шлиман «обнаружил» Трою именно благодаря литературному произведению. Хронику событий XX в. можно изучать по постановлениям партии большевиков и советского правительства, а можно восстанавливать хронику событий на основе газетных публикаций или устной истории. Как видим, голографический принцип научной коммуникации обеспечивает доступ к необходимой информации. Так, эпистолярное наследие можно осваивать в архивных и музейных фондах, но это не исключает возможности изучать письма на основе археографических публикаций.

Ссылаясь на авторитета как источник нас обычно мало интересует, появилось ли его произведение как книга, как журнальная или газетная публикация, как депонированная рукопись или как ресурс-интернет. Историк в конце концов абстрагируется от эстетизирования во внешних чертах носителя информации (исторического источника), его материала и знаковой системы (синтактики). Одновременно первичность и вторичность предстают как автономные атрибуты по отношению к семантике сообщений. Часто историк даже не утруждается проверкой достоверности источников, упоминаемых в произведении своего предшественника. Такая «экспертиза» проводится крайне редко и определена ограниченным кругом специалистов, работающих в узкой тематической области.

Приведенные аргументы, по нашему мнению, наглядно свидетельствуют о реальности коллизий в исторических исследованиях, а также о неответственности «исторического источника» за семантику помещенной в нем информации. Фактически те характеристики, которые историки обычно приписывают историческим источникам, им не принадлежат. «Упаковка» не отвечает за свое содержимое. Она выполняет охранные, транспортные, рекламные, гедонические и т. п. функции. Другими словами, историк на самом деле должен заботиться о «чистоте» информации, которой он оперирует, а не о «привлекательности» ее «упаковки» (носителя). Историка должна больше интересовать адекватность информации исторической реальности, а не вопрос непротиворечивости носителя и информации. Тем более, что носитель как обязательный участник коммуникации может предусматривать несколько уровней взаимодействия с пользователем (историком): физический, каналный, сетевой, транспортный, сеансовый, даталогический и прикладной.

Физический уровень определяет функциональные свойства физической среды (материала) носителя информации. Это, собственно, его внешние черты — материальная основа, конструкция и др. Анализ этого уровня дает первичное представление о времени создания (появления) конкретного артефакта, поскольку каждому историческому периоду соответствует определенный технологический и интеллектуальный уровень, задающий его закономерность или невозможность существования, т. е. его аутентичность.

Канальный уровень «отвечает» за надежность и достоверность передачи информации по каналу, соответствующему физической составляющей носителя, а также предусматривает правила доступа к каналу.

Именно благодаря этому уровню возможен контроль и коррекция искаженного сообщения, использование методов восстановления информации, обеспечивается управление потоком исторических данных (например, формирование выборки документов или артефактов). В частности, археографическую публикацию (книгу — на физическом уровне) верифицируют оригиналами документов (хранилище на физическом уровне). Вытравленный фрагмент листа-подтверждения (лист бумаги или свиток пергамента) возможно восстановить по первичному документу (опять же — пергамент или бумага) либо по аутентичной записи в книге

судебных дел или в книге великокняжеской или королевской канцелярии (рукописная книга — на физическом уровне), либо современными средствами рентгеновского или химического анализа (вещество — на физическом уровне).

Каналы можно поделить на детерминированные и недетерминированные. В детерминированных системах среда передачи распределяется между узлами с помощью специальных средств. Например, фонограмма передается благодаря симуляции колебаний воздуха, фотография — на основе использования свойств световых лучей и т. п. Недетерминированные каналы распространения сообщений предполагают конкуренцию за среду передачи. Например, содержание литературного произведения можно передавать путем распространения книг через торговую сеть, библиотечные коллекторы, публикации в периодике или в интернете, наконец, как в романе Рея Брэдбери «451 по Фаренгейту», из уст в уста.

Канальный уровень предполагает также дискретное или непрерывное представление информации. Дискретно кодированную информацию воспринимают последовательными порциями, например текст или пик-тограмму. Непрерывная информация складывается из уплотненных во времени дискретных фрагментов, как кинофильм, воспринимаемый потоком, состоящим из множества кадров, быстро сменяющих друг друга.

Сетевой уровень отвечает за маршрутизацию сообщений, определяя их путь от одного пункта (системы) к другому. Наиболее ярким примером могут служить письма, которые как специфические носители обычно прямо указывают автора и адресата, а также способ доставки — почтовыми средствами, т. е. последовательной передачей от узла к узлу. Книга, направленная от писателя к читателю, также преодолевает многоэтапный маршрут через редактора, издателя, печатника, продавца,

библиотекаря. Архивный документ, имея несколько иное целевое назначение, тем не менее также проходит через ряд узлов — от фондообразователя (в том числе и внутри него самого) через экспертов к хранилищу, а далее из хранилища через архивных работников к пользователю (историку). Вся система архивных учреждений с их фондами формирует Национальный архивный фонд, который функционирует в соответствии с моделью информационной сети. То же можно сказать о Национальных музейном и библиотечном фондах.

Транспортный уровень обеспечивает собственно передачу информации таким образом, чтобы отделить получателя (пользователя, читателя, адресата) от физических и функциональных особенностей сети научных коммуникаций. Например, историку на самом деле вовсе не обязательно знать как технически организована работа архива для обеспечения его конкретной учетной единицы, как она инвентаризирована в хранилище, где это хранилище расположено, как осуществляется поиск дел и передача их в абонентский отдел.

Сеансовый уровень обеспечивает взаимодействие историка с носителем сообщения, предоставляет средства организации комфортного доступа к информации (микрофот, ксерокс, проектор, сканер, монитор).

Даталогический уровень, или уровень представления данных, осуществляет конвертацию сообщений одного формата (рукопись, изображение, фонограмма и т. п.) в формат, удобный для восприятия историком. На этом уровне историк использует различные синтаксические таблицы (алфавитную, фоническую, цифровую и др.) для транскрибирования, транслитерации, агрегации и т. п. Другими словами, на этом уровне осуществляется дешифрирование сообщений с помощью определенного кода, известного адресату или неявно присутствующего в самом сообщении.

Прикладной уровень обеспечивает непосредственное восприятие или трансляцию историком информации из сообщения, полученного из канала на носителях, обработку ее соответствующими методами и средствами. «При этом ... происходит переход из мира сигналов, исчисляемых в физических единицах информации, в мир смысла, описываемого в понятиях денотации и коннотации» [7, с. 85]. Тут ведущую роль играет код, являющийся настоящим источником и хранилищем потенциальной информации [7, с. 86]. В связи с этим есть классический пример, описанный У. Эко, когда фразу «I vitelli dei romani sono belli» можно прочитать и по-латински и по-итальянски соответственно с разными

значениями. Понятно, что автор, формулируя это сообщение, предполагал, что его будут читать по-латински, но наш современник прочитал его по-итальянски. «В этом случае мы имеем дело с дешифровкой, которую считаем “ошибочной” только в связи с намерениями отправителя сообщения, но которая нисколько не ошибочна, но, напротив, вполне законна, если принять во внимание ее адекватность коду» [7, с. 88].

Как видим, историка в конечном счете интересует не сам «источник», сколько соответствие его содержимого (сообщения) образу того объекта прошлого, который исследователь стремится познать. Другими словами, историка интересует прежде всего информационная адекватность, которая может иметь проявление в трех формах: синтаксической (физической), семантической (смысловой) и прагматической (прикладной).

Синтаксическая адекватность связана с восприятием формально-структурных характеристик отображения отвлеченно от содержательных и потребительских аспектов исследуемых объектов-носителей. На этом уровне принимают во внимание именно те элементы (составляющие коммуникационного процесса), которые формируют предметное пространство так называемой внешней критики исторического источника, среди которых можно назвать тип носителя и способ фиксации информации, средства и скорость их передачи, средства хранения и обеспечения надежности фиксации, системы кодов, надежность и точность преобразования этих кодов при ретрансляции и т. п. Эту адекватность обеспечивает сложный комплекс уровней коммуникационного процесса — от физического до сеансового.

Семантическая адекватность выражает соответствие образа знака и объекта. Проявляется семантический аспект сообщения в том случае, когда присутствует согласованность (единство) кодов автора сообщения и историка как реципиента, когда большая часть их тезаурусов (словарей) совпадает. Семантическая адекватность служит формированию понятий и представлений, установлению содержательных связей (денотации и коннотации) между кодами представления информации. Эту адекватность выявляют на даталогическом уровне научной коммуникации.

Прагматическая адекватность означает соответствие информации (не сообщения!) цели исследования или изучения. Прагматические свойства имеют проявление только при наличии единства информации, реципиента (в частности, историка) и цели коммуникационного процесса (узнать/донести что-то конкретное). Прагматический аспект

информации содержит аксиологическую и актуальную составляющие. «Информация появляется в результате того, что пришедшее решение, развязка преобразует исходно двусмысленную, “открытую” ситуацию во вполне определенную» [7, с. 100].

Важнейшим аспектом «исторических источников» следует назвать качество информации, под которой понимается комплекс свойств, обуславливающих возможности ее использования историком в исследовании. Возможность и эффективность «применения» информации определяется такими ее потребительскими характеристиками качества, как репрезентативность, содержательность, полнота, доступность, актуальность, своевременность, стабильность, точность, достоверность и ценность.

В рамках одного такого исследования невозможно осветить все аспекты заявленной в теме проблематики. Но думается приведенных аргументов достаточно для того чтобы пересмотреть роль понятия «исторический источник» в соответствии с требованиями и условиями современного информационного общества. Как писал М. Фуко, «нельзя говорить что угодно в какую-либо эпоху; не так легко сказать что-то новое, недостаточно просто раскрыть глаза, сконцентрировать внимание или подключить сознание, чтобы новые предметы сразу же засияли и, восстав на земле, блеснули своим первичным светом» [3, с. 72].

Историческое источниковедение как наука оперирует в качестве объекта носителями информации, содержащие сведения, которые историки используют в своих исследованиях для формирования представлений о событиях и явлениях прошлого. В силу этого исторический источник является объектом сферы коммуникаций.

Историк выступает в качестве потребителя (реципиента) информации, которую несут «источники». «Источник» является продуктом лиц, коллективов или природных явлений, т. е. содержит некоторую авторскую информацию. Следовательно, в момент создания источника действуют по крайней мере два фактора — творческий (выбор знаковой системы, языка, жанра, традиции, формы, способа, средств фиксации информации) и содержательный (конкретная или фактическая информация).

Обе составляющие не гарантируют полноты информации на искусственных носителях, поскольку вследствие селективной позиции автора, источники содержат выборочную информацию о событиях. То есть информация имеет статистическую природу, поскольку большая или

меньшая надежность ее определяется лишь относительно определенного условного эталона — «здорового рассуждения», которое задается латентным «голосованием» (выбором) реципиентами (историками). Это утверждение справедливо не только для истории, но и для точных наук. Например, американский математик Моррис Клайн (1908—1992) утверждал: «Доказательство называется строгим, если таковым его считает большинство математиков».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1987.

2. Шмидт, С. О. Источниковедение в кругу других научных дисциплин и вопросы классификации источников (Постановка вопроса) / С. О. Шмидт // Актуальные проблемы источниковедения и спец. ист. дисциплин: тез. докл. IV Всесоюз. конф. Днепропет-ровск, 31 окт.—2 нояб. 1983. М. : ИВИ, 1983.
3. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Київ : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003.
4. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения : рост научного знания / К. Р. Поппер; пер. с англ. М. : ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
5. Юм, Д. Исследование о человеческом познании: соч. в 2 т. / Д. Юм. М. : Наука, 1996. Т. 2.
6. Полевой, Н. А. Основные характеристики имитационной нейросетевой модели развития теории истории / Н. А. Полевой // Круг идей : алгоритмы и технологии ист. информатики: тр. 9-й конф. Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова. М.; Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2005.
7. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. СПб. : Симпозиум, 2004.
8. Лотман, Ю. М. Люди и знаки / Ю. М. Лотман // Семиосфера. СПб. : Искусство, 2004.
9. Урсул, А. Д. Проблемы информации в советской науке: филос. очерки / А. Д. Урсул. М. : Наука, 1975.
10. Иванов, Г. М. Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. М. : Высш. шк., 1981.
11. Бониц, М. Научное исследование и научная коммуникация / М. Бониц; пер. с нем. Р. С. Гиляревского; отв. ред. А. И. Михайлов. М. : Наука, 1987.

Артыкул паступиў у рэдакцыю 27 красавіка 2009 г.